
Вера КАЛМЫКОВА

ДОЛГИЙ РАЗГОВОР О ДОЖДЕ

Что делать в дождь?

— Пить прозрачную воду
маленькими глотками,
внутри и снаружи
поддерживая всемирное равновесье.
Жаловаться природе
на погоду
(а кому еще-то?),
вспоминать
слова и мотив
забытой с юности песни
о тоске,
камине
и теплом плече.
Жалеть: никогда не почувствуешь
того же,
что другой человек,
и никогда не подойдешь так близко,
чтобы стать им.
Переживать
нестроенье ума,
как последствие катаклизма
где-нибудь на краю Ойкумены.
Вообразить: любая случайная грусть
многократно усилена эхом —
другим человеком.
Переступить по садовой дорожке
глиняными ногами,
которые норовят врасти в землю,
стбит на миг забытья.
Во мне, будто я снова земля,
почему-то именно в дождь
прорастает надежда:
я и есть тот самый гумус,
из которого получится
замечательный человек
лет через двести.
Может быть, мы вырастим его вместе,
но чем заняться сейчас?

Вера Владимировна Калмыкова родилась и живет в Москве, поэт, кандидат филологических наук, редактор, автор научных и научно-популярных книг и статей.

НЕВА 8'2022

— Прижимать к груди
каждый хороший помысел,
как долгожданного гостя.
Повторять упрямо:
мир хорош,
и только недосказанность его портит.
Строить мост
от капли к капле,
напоминая себе:
вот место,
где мы едины,
а жизнь
протекает
только по мостам.

— В дождь так просто понять:
на смену страсти приходит нежность,
и удержать ее проще,
чем удержаться от страсти.
И каждое слово, произнесенное вслух, —
драгоценный камень,
отшлифованный флорентийским ювелиром,
и надо, вкушая прохладу и сладость,
покатать его во рту,
прежде чем отпустить —
нежную карамель гласных,
хрупкую оболочку согласных.

— В дождь
можно услышать голос
и пойти за ним
по следу звука,
как по тоннелю, проложенному во влажном
воздухе.

— Ощутить с неловкостью:
тут с нами Бог,
хотя мы об этом не думаем.
Испытать стеснение не столько перед Ним,
сколько перед цветами —
свидетелями наших касаний,
неопределенных улыбок,
обращенных друг другу
и вместе с тем никому.
Обнаружить:
кроме нас с тобой,
ничего нет на свете;
поле, небо и дождь — все сделано из нас,
и величайший соблазн —
вдруг решить,
будто наши желанья
хоть сколько-нибудь да значат.

— Жизнь вытягивается в струну,
в дождинку, длинную, как
нить судьбы.
Можно промочить ноги насмерть,
но если мы не умрем от простуды —
умрем от смерти.
Вспомнить, как
однажды первого января пахло весной
и снег
отдавал арбузом.
Запах зелени из окна,
чистой, промытой, и каждая травинка
так же длинна,
как дождь
или
нить садово-огородной ариадны.

— Наконец забыть:
мы тоже умрем.
И попробовав жить,
словно бессмертны,
без страха
сказать друг другу давно
вертевшееся на языке.
Произнести.
Насытиться тишиной,
которой наконец-то хватает,
чтобы любить друг друга.

ПИСЬМО

Что печься о вечности?
Вечность уже вот здесь.
Видишь, время
от испуга стоит неподвижно,
брезжит,
брызжет,
брыкается,
но деться ему некуда.

Что тосковать о небе,
если мы дышим — небом,
и начинается оно
у самых наших ноздрей.

Когда бы ты ни пришел,
ты появишься через миг
после конца ожидания.

Вот глядит на меня
человек, лучше всех на свете
умеющий быть счастливым,
и мне смешно думать
о старости
иначе,
как о репетиции детства.
Настоящим ребенком
может стать только тот,
кто вырос
и не пережил свою любовь.
И если детское
старческое лицо
искривлено печалью,
дай ребенку яблоко,
а потом —
ты поймешь, когда будет можно —
возьми себе его игрушку,
она пригодится
в антракте.

Имеет значение только одно:
когда мы вместе,
мир для обоих чуть-чуть иной,
чем когда мы врозь.
А после конца расставаний
приходится
заново привыкать друг к другу,
ведь мы с тобой немножечко чужие,
хотя и одной крови.

Когда
ты спросишь свою кровь:
«Ну, как думаешь?» — она
ответит:
«Придется», —
ведь книгу жизни
назад не прочитаешь,
а кондитерский запах
прелой листвы в лесу
ценней, чем юность, которая все равно
не повторится.
А в электронном сообщении
самое важное,
что приходит оно
со звуком одинокой капли,
громко падающей туда,
где капель нет.

Работа в твоей душе —
самое важное,

но я уже стала ребенком
навсегда.
Только
когда себя закончишь,
не забудь:
ты должен мне яблоко.
А игрушку в обмен
найдешь на старом месте,
под ковриком.

* * *

Попутав будущее с прошлым,
вытягиваю тщетно нить,
но предстоящих обретений
заранее не пережить

и многозначного глагола
семантику не исчерпать:
переживать, переживая,
желая пережить опять.

Все набело жилось и будет
единственным — ошибок нет.
Нельзя перелистнуть страницу.
И ни вернуть, ни взять билет.

ПЕСНЯ

Я говорила дождю: я люблю его так,
как ты высыпаешь на землю капли твои.
Я говорила реке: я люблю его так,
как ты прорастаешь к белому небу из черной земли.
Я говорила реке: я люблю его так,
как ты протекаешь от самого неба к темным лесам,
за горизонт, за границу, переливаясь за край,
куда не пропустит сезам.

Что ж вы меня подвели, мои сестры и братья,
сосна и береза, камень и облако, мох и ковыль?
Что ж вы наделали, как же случилось,
что просьбы мои позабыла дорога и воздух забыл?
Что ж вы ему не сказали, ведь я же просила,
бессонно, упорно с утра до утра рассылая гонцов
за горизонт, за границу, чтоб дыханье мое
ему оведало лицо.

Как мне излиться теперь, как теперь прорасти —
ни корней, ни теченья, лишь ветер сквозит
в опустевшей горсти...

* * *

Солнце светит по привычке,
дождь пошел слегка размяться,
на лету решила птичка,
что пора бы возвращаться.

В поднебесье развернулась —
лет на месте что есть мочи —
над потоком сельских улиц,
вдруг зарозовевших к ночи.

Бело-голубая сфера,
перевернутая чаша,
пролилась на дно карьера
влажным облаком легчайшим.

Шорох листьев заглушает
ангелов бескрылых поступь.
Меркнет рама золотая.
Ярче тяжких капель россыпь.

* * *

Когда от соли высыхают веки
и губы исковерканы навзрыд,
сбивается тоска о человеке,
и так Создатель с нами говорит.

И в тусклый час вселенского раздора,
когда замолкнет музыка светил,
услышь, как голос из немого хора
на языке земном заговорил.

* * *

Пылают блики, гаснут пятна,
в пустынной мгле не виден дом.
И долог, словно путь обратно,
сто восемнадцатый псалом.

Открытый кровью откровенья,
простой и ясный дар судьбе.
Как упованье, как терпенье,
как возвращение к себе.